

- сийской провинции во второй половине XVIII– начале XIX века (по материалам Саратовского Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.
- ²⁹ Ясакова Г. В. Возвращение памяти... Саратов, 2008.
- ³⁰ Майорова А. С. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 184–189 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным); Она же. Юбилейные торжества 1912 года в Саратове // Эпоха наполеоновских войн : люди, события, идеи. М., 2003 С. 79–89 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным); Она же. Воспоминания военнопленных как источник для изучения культурного пространства Саратовской губернии // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2012. С. 164–170.
- ³¹ Мезин С. А. «Завещание Петра Великого» : европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. № 5. С. 18–27; Он же. Наполеон и Петр I // Н. А. Троицкому – к юбилею. С. 61–67.
- ³² Рабинович Я. Н. Неизвестное сражение при Прейсиш-Эйлау 26 января 1807 г. // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 28–33; Он же. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии в современных названиях населенных пунктов Челябинской области // История в подробностях: научно-популярный исторический журнал. 2012. № 5. С. 82–87.
- ³³ Максимов Е. К. Памятники Отечественной войне 1812 года на территории Саратовского края // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 79–88 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным).
- ³⁴ Захаров В. М. Судьба декабриста // Годы и люди. Саратов, 1983. Вып. 1. С. 7–21.
- ³⁵ Лёвин С. В. Жизнь и деятельность Кайсарова // Четыре века. Саратов, 1991. С. 190–208 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным); Он же. Очевидец и деятель величайших событий // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 20–33; Он же. В. С. Норов – «декабрист без декабря» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 47–51.
- ³⁶ Малов Н. М. Масоны среди саратовцев-участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. С. 198–206.
- ³⁷ Маковцева Л. В. Материалы по Отечественной войне 1812 года в собрании Саратовского областного музея краеведения // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. С. 191–197.
- ³⁸ Самохвалова Н. В. Обзор документов по Отечественной войне 1812 года из фондов ГАСО // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года. С. 217–222.
- ³⁹ Бутенко В. А. Страница из истории наполеоновской администрации // Известия Академии наук СССР. Отд. гуманитар. наук. 1929. № 1. С. 71–83.
- ⁴⁰ См., например: Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года; Галямичев А. Н. «Я стремился служить как можно лучше...» Барклай де Толли – жене : письма из 1812 года // Родина. 2012. № 6. С. 51–53 (в соавт. с В. П. Тотфалушиным).
- ⁴¹ Авторы : А. Н. Галямичев, А. В. Гладьшев, Ю. Л. Епанчин, М. В. Калашников, М. В. Ковалев, С. Е. Летчфорд, А. С. Майорова, В. С. Парсамов, Ю. Г. Степанов, В. П. Тотфалушин, Н. А. Троицкий.
- ⁴² См.: Троицкий Н. А. Книга о любви (Записки историка). С. 270–275.
- ⁴³ Ливен Д. Право одержать победу // Родина. 2012. № 6. С. 31.

УДК [94 + 316. 7] (470. 44) |17/18|

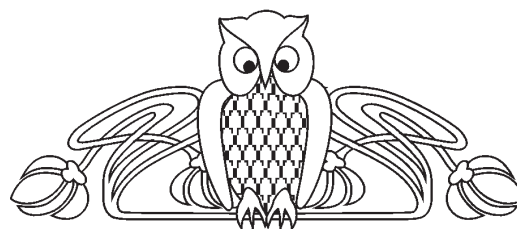
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ГОРОДАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. С. Майорова

Саратовский государственный университет
E-mail: majorova-as@mail.ru

В статье показаны причины, которые определяли значительную роль народной культуры русского этноса в общественно-культурной среде городов Саратовской губернии. На основании письменных источников освещены ее проявления в различных сферах городской жизни, в том числе и в облике самих городов. В большинстве уездных городов ее влияние в культурном процессе было преобладающим. В губернском центре ее черты ярко проявлялись в духовно-обрядовой сфере жизни основной массы населения.

Ключевые слова: Саратовская губерния, города, общественно-культурная среда, народная культура, старообрядчество, купечество, мещанство.

Folk Culture in the Cities of Saratov Province in the Late XVIII – First Half of the XIX cc.

A. S. Mayorova

The article describes the reasons that determined the significant role of Russian ethnic culture in the urban socio-cultural environment of Saratov province. Its manifestations in various spheres of city life and, in particular, in the look of these cities are based on written sources. For most county-level cities its influence on the cultural process was dominant. In the main city of the province its features were evident in spiritual and ceremonial life of the general population.

Key words: Saratov province, cities, social and cultural environment, folk culture, Old Belief, merchant class, petty bourgeoisie.

Один из аспектов истории русского города – характеристика культурной среды на разных этапах существования. Эта проблема нашла отражение в монографиях М. Г. Рабиновича. Вопрос о взаимодействии крестьянской и городской культуры в России изучен им по хронологическому и географическому материалу. По его мнению, «почти каждое явление материальной культуры, общественного и семейного быта горожан коренилось в крестьянском быту, но серьезно перерабатывалось в городах и снова возвращалось в сельскую местность значительно измененным...»¹. Вывод Рабиновича вполне обоснован. Однако региональный аспект данной проблемы требует дополнительного изучения. Кроме того, в последние десятилетия историки большое внимание стали уделять социологическому анализу культурного процесса. Если Рабинович подчеркивает то, что «формирование общих явлений культуры» происходило непрерывно в результате взаимосвязей городского и сельского населения², то авторы коллективной монографии «Очерки русской культуры XIX века» делают акцент на существовании особых страт в области культуры. По их наблюдениям, русская культура XIX в. представляла собой сложнейшее сочетание культур, порожденных деятельностью различных социальных групп³. При изучении формирования культурной среды городов Саратовского Поволжья следует учитывать это обстоятельство.

Культурный процесс в Саратовской губернии в XIX в. протекал достаточно динамично. Л. В. Кошман в своей монографии, посвященной русским городам XIX века, приводит мнения о Саратове, которые встречались в периодической печати в конце этого столетия. Его называли «культурно-просветительским центром на Волге», городом, в котором «пульс общественной жизни бился сильнее, чем в других губернских городах»⁴. Истоки успешного развития культуры Саратова были заложены в первый период его существования в статусе губернского центра, с 1780 г. до конца 50-х гг. XIX века, в связи с чем данный период представляет немалый интерес. Культурный процесс в губернском городе был тесно связан с однородными процессами в уездных городах. Поэтому объектом внимания исследователя должна быть культурная среда как губернского, так и уездных городов. Основное внимание в рамках поставленной проблемы, привлекает вопрос – какие социальные слои этих городов являлись носителями традиций народной культуры.

Общие оценки социокультурной среды провинциальных городов России в XIX в. даны в первом томе коллективной монографии «Очерки русской культуры XIX века»⁵. По мнению Л. В. Кошман, культура провинциального города – это культура разночинская⁶. С этой точки зрения

она рассматривает городскую культуру и в специальном труде, посвященном русскому городу XIX века⁷. Авторы коллективной монографии «Очерки городского быта дореволюционного Поволжья» дают анализ городской культуры в период с конца XVIII до конца XIX в. в ее этнографическом аспекте⁸. Объектом исследования здесь являются города Казанского Поволжья, т. е. территории современного Татарстана, Чувашии и Республики Марий-Эл.

Саратовские историки не пытались дать общей характеристики культурной среды Саратова в XIX веке. Так, в главе первого тома «Очерков истории Саратовского Поволжья», которая посвящена истории культуры Саратовского края первой половины XIX века, губернский город выделен при изложении сведений об одной из отраслей художественной культуры – архитектуре⁹. Социальный аспект культурного процесса в Саратове учтен только в одном из подразделов второго издания «Энциклопедии Саратовского края». Е. К. Максимов и С. А. Мезин при изложении сведений о культуре Саратовской губернии XVIII в. указывают элементы общественно-культурной среды губернского города¹⁰. К сожалению, данный подход не нашел отражения в подразделах, посвященных более поздним периодам в истории культуры Саратовского Поволжья. Уездные города губернии конца XVIII–первой половины XIX в. пока еще не стали объектами специальных исследований саратовских историков.

При изучении вопроса о влиянии народной культуры на общественно-культурную среду городов Саратовской губернии необходимо учитывать особенности бытования в них старообрядчества. По мнению современных историков, оно является особой ветвью народной культуры. В этом отношении интерес представляет монография Н. С. Соколова, опубликованная в последней четверти XIX века¹¹. В статьях А. А. Лебедева приведены ценные сведения о церковной и правительственной политике по отношению к старообрядцам¹².

Следует обратить внимание на то, что представляет собой феномен народной культуры. Основным хранителем ее традиций, как считают этнографы, является крестьянство. По этой причине термины крестьянство и народ они используют в качестве синонимов¹³. В статье саратовского философа Н. П. Лысиковой народная культура определяется как «устойчивая совокупность обычаев, верований, миропониманий, мировоззрений, правовых, этических и эстетических норм, сложившихся в ходе исторического развития человеческих отношений, начиная от первобытно-общинного уровня до формирования наций и национальной культуры и востребованного в своих образцах до настоящего времени»¹⁴. Развитие народной культуры закрепляет традиционное наследование как способ практически духовного существования народной памяти, коллективной

автокоммуникации и индивидуального использования коллективного опыта. При этом его использование не исключает творческого прочтения и переработки.

В любой народной культуре достаточно легко выявить устойчивые элементы культурного наследия – традиции, придающие ей целостность, системность, завершенность, устойчивость. Они воплощаются в идеях, ценностях, обычаях, обрядах, способах мировосприятия, нормах поведения, передаваемых от поколения к поколению¹⁵. В то же время народная культура, постоянно развиваясь, отражает изменения, которые претерпевает сам человек, общество, в котором он существует, а также международные культурные контакты. В каждой народной культуре возникают неустойчивые (инновационные) элементы культурного обновления¹⁶.

Состав крестьянского населения Саратовской губернии конца XVIII–первой половины XIX в. был неоднородным в этническом отношении, однако преобладающим большинством к середине XIX в. были русские. Саратовский историк М. В. Булычев приводит сведения, относящиеся к 1846 г., о количественном соотношении крестьянского населения разных национальностей на территории губернии. Они показывают, что русские составляли к тому времени 74,7 % населения всех уездов¹⁷. Поэтому, рассматривая народную культуру Саратовской губернии, мы будем, в первую очередь, иметь в виду культуру русского этноса на ее территории.

О ее проявлениях в конце XVIII–первой половине XIX в. можно судить на основании материалов, представленных в монографии А. Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии». Она является первым крупным исследованием в этой области и одновременно – источником для изучения народной культуры нескольких этносов в Саратовской губернии в XIX веке¹⁸. Материалы для нее автор собирал с начала 60-х и до конца 80-х годов позапрошлого столетия. Если учитывать устойчивость народной культуры, монография позволяет рассматривать явления этнической культуры русского населения и за предшествующий период, т. е. за первую половину XIX века.

Численные данные об основных сословных группах населения Саратова и уездных городов содержатся в «Статистическом описании Саратовской губернии» А. Ф. Леопольдова¹⁹. Для изучения бытования старообрядчества в городах губернии представляет интерес очерк Леопольдова «О расколе в Саратовской епархии»²⁰. (В заголовке при публикации допущена ошибка – неверно указаны инициалы автора – А. А. Леопольдов.) Возможно, эта работа была составлена в 1839–1840 гг. как доклад в целях информирования высокопоставленных чиновников о последствиях бытования раскола в Саратовском Поволжье и о тех мерах, которые принимались для его «искоренения».

Сведения о культурном облике городов Саратовской губернии можно почерпнуть из мемуаров современников. Период 20–50-е гг. XIX в. освещен в «Записках о Саратове» К. И. Попова²¹. В них имеются сведения об особенностях культуры разных слоев населения города. В отличие от саратовского жителя Попова Г. В. Гераков и В. И. Беккер побывали в Саратове во время своих путешествий и оценивали его «со стороны»²². Беккер посетил также некоторые уездные города губернии и оставил заметки, которые позволяют судить об особенностях их социокультурного облика. Сведения такого характера содержатся и в воспоминаниях военнопленных французской армии, находившихся на территории губернии в 1812–1814 годах²³.

В изучаемый период культура русского крестьянства в значительной степени определяла жизненные устои городского населения. Причины этого явления – в источниках формирования основного контингента городских жителей. В. В. Кузнецов подчеркивает, что при открытии новых городов (оно произошло после создания Саратовской губернии в 1780 г.) купечество составлялось преимущественно из крестьян тех селений, которые получали статус городов²⁴. Булычев указывает на то, что и в первой половине XIX в. крестьяне массами переселялись в города губернии²⁵. Здесь они либо записывались в мещанское сословие, либо продолжали заниматься крестьянским трудом и вести свое хозяйство на землях, принадлежавших городу²⁶. В губернии были города, в которых к середине XIX в. большая часть жителей занималась хлебопашеством, – Аткарск, Петровск, Сердобск²⁷. Наблюдения Булычева и Кузнецова позволяют утверждать, что основу культуры мещанства, а также купечества в Саратовской губернии в изучаемый период составляла именно народная культура.

Данные о численном составе населения губернского центра по сословиям, которые приводит А. Ф. Леопольдов в «Статистическом описании Саратовской губернии», свидетельствуют о том, что самыми многочисленными группами в Саратове были мещане и «неслужащие разночинцы». (К неслужащим разночинцам, вероятно, относились выходцы из разных сословий, у которых источником средств к существованию была работа по найму.) К сожалению, точной хронологической привязки сведения Леопольдова не имеют. Он пишет, что использовал данные седьмой ревизии, а убыль населения от эпидемии холеры 1830 г. не учитывал²⁸. Названная ревизия была завершена в 1817 г., следовательно, показатели о составе населения Саратова можно отнести ко второму десятилетию XIX века. Леопольдов не указывает количества крестьян, проживавших в Саратове (так же, как и в уездных городах). Однако существование прослойки крестьянского населения было заметным явлением в социальной структуре губернского города.

Сведения о том, что большинство его жителей в изучаемый период занимались земледелием, приводит в мемуарах Попов. Он пишет, что в «страдную пору» «все живущее в Саратове простонародье выезжало из города в поля для работы»²⁹. Попов запечатлел также картины праздников, в которых принимали участие едва ли не все жители Саратова. В Пасхальную неделю на Театральной площади, как было «исстари заведено», ставили палатки, «столики для распродажи разных закусок, сластей и балаганы для фигляров». В соответствии с народной традицией на площади устраивали качели. Посмотреть на народный праздник приезжали семьями купцы, чиновники и «почетные дворяне» с нарядными женами и дочерьми. Все праздничные увеселения в пасхальную субботу переезжали на площадь перед домом губернатора А. Д. Панчулидзева, а в воскресенье – на Соколову гору³⁰. Пасхальные увеселения в Саратове имели характер массового народного гулянья, многие элементы которого были сходны с сельским праздником. Отличия между ними были значительны – участие «фигляров» (профессиональных артистов) в увеселениях горожан и присутствие богатых дворян, купцов, чиновников, масштабы самого праздника.

В Саратове существовала также традиция, которая была связана с народным масленичным катанием на лошадях. Как пишет Попов, в нем принимали участие только купеческие семейства. Они выезжали в праздничные дни (т. е. по воскресеньям) от Рождества до последнего дня масленицы на катанье по городским улицам – Московской и Никольской. Зрелище праздничного катанья поразило иностранца – военнопленного К. Хр. Л. Шенка, который находился в Саратове зимой 1812/13 г. В своих мемуарах он так описывает катанье: «...Все русские купцы вместе со своими женами и дочерьми с большой пышностью разъезжали по городу процессией из саней. Как и всегда, бабы были сильно накрашены и носили дорогие шубы, много жемчугов, даже бриллиантов. Лошади были увешаны богатыми персидскими покрывалами, украшены султанами. Все сани проезжали медленно, их собралось от пятидесяти до шестидесяти, следовавших друг за другом»³¹. По словам Попова, это праздничное катанье оставалось неизменным в Саратове на протяжении всего описанного им времени, т. е. до 50-х гг. XIX века³².

Сведения о народных традициях, которые наблюдались у населения губернского города, можно встретить в монографии Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии». Автор пишет о том, как христианские праздники отмечались в Саратове. По поводу дня Параскевы-Пятницы он сообщает, что в этот «бабий» праздник в Саратове бывало массовое стечение народа. Центром праздника считался Крестовоздвиженский женский монастырь, в котором существовал придел Параскевы-Пятницы. Сюда съезжался народ на

церковную службу из окрестных сел и деревень, монастырское подворье и все соседние улицы бывали запружены людьми³³. Можно думать, что и жители Саратова, а не только крестьяне соседних сел, отмечали этот почитаемый в народе праздник.

Массовый характер носило участие саратовцев в поминовении усопших на Фоминой неделе, после Пасхи. Минх отмечает, что в Саратове ко времени написания им своей книги сохранился обычай справлять поминки на могилах, на кладбище, а в деревнях и селах таких поминок уже не бывало – умерших поминали дома. Во вторник на Фоминой неделе саратовцы после обедни ехали и шли из города на Пичугинское кладбище, где служили панихиды по усопшим. Автор отмечает массовое стечение народа и участие в поминальных службах всех саратовских священников. На могилах при этом ставили всякую снедь – блины (они считались обязательной пищей при таком обряде), булки или крендели, стаканы или чашки с медом, обязательно – одно-два крашеных яйца, некоторые люди ставили и кутью. Во время панихиды зажигались свечи, воткнутые в могилы. Участники обряда «вопили» (т. е. исполняли ритуальные «вопли») и плакали. Минх поясняет, что это обычно исполняли женщины. Использование спиртного миряне заменяли чаепитием, принося с собой самовары и всякие закуски³⁴.

Подробности, описанные знаменитым саратовским краеведом, рисуют картину развернутого массового обряда, в котором черты древней языческой тризны дополнены христианской панихидой. Интересно упоминание о том, что «прежде» (т. е. в первой половине XIX в. и ранее) при исполнении этого обряда употребляли много вина, как и полагалось по традиции. Еще одна подробность, которая связывает его с древностью – использование меда в качестве жертвенной пищи (скорее, напитка). Минх не уточняет, представители каких городских сословий принимали участие в массовом поминовении усопших. Скорее всего, здесь бывали люди самого разного происхождения, кроме состоятельных дворян. Саратовцам были свойственны и предрассудки, распространенные среди крестьян. Минх упоминает о поверье, которое бытовало у саратовских мещан, о том, каким образом и где можно увидеть домового³⁵. Собранные им материалы, а также воспоминания мемуаристов свидетельствуют о том, что народная культура русского этноса занимала очень важное место в культурном пространстве Саратова.

О преобладающем влиянии народной культуры в уездных городах мы можем судить на основании сведений о составе их населения и об их внешнем облике. Большинство уездных городов Саратовской губернии приобрели городской статус в ходе областной реформы 1775–1780 г. В изучаемый период менялся их состав. Наиболее неустойчивым в этом отношении в истории губернии был период до 1801 г. В конце 1796 г. сама губерния была упразднена, а в 1797 г. снова восста-

новлена³⁶. После 1802 г. наступила стабилизация в отношении состава уездных городов Саратовской губернии. С этого времени к числу ее уездных городов принадлежали: Царицын, Камышин, Петровск, Вольск, Хвалынский, Кузнецк, Аткарск, Балашов, Сердобск³⁷. В 1836 г. их состав пополнился еще тремя городами, которые были образованы на территории Заволжья – Николаевск, Новоузенск и Царев³⁸. В 1851 г. Николаевский, Новоузенский и Царевский уезды были присоединены к Самарской и Астраханской губерниям³⁹. В настоящей статье рассматривается социокультурный облик уездных городов Саратовской губернии, которые принадлежали к ее территории с 1802 до 1851 г.

На основании статистических сведений, представленных Леопольдовым, видно, что влияние чиновников и дворян на культурную среду уездных городов не могло быть значительным. К концу 30-х гг. XIX в. количество чиновников в уездных городах губернии колебалось от 10 до 48 человек⁴⁰. Количество дворян в труде Леопольдова указано по городам таким образом, что очень трудно определить принципы группировки сведений. Поэтому возникают затруднения в подсчете их численности в каждом городе. И все же некоторые выводы на основании данных Леопольдова сделать можно. Минимальное количество дворян в уездном городе – примерно 10 мужчин (в Хвалынске)⁴¹, максимальное – около 100 человек (в Сердобске)⁴². Судя по сословному составу населения, в уездных городах губернии преобладали мещане. Однако о существовании мещанской культуры для первой половины XIX в. говорить преждевременно. Сословная культура купечества в России в изучаемый период также не имела самостоятельного характера, что давно отмечено исследователями⁴³.

Судя по сохранившимся отзывам современников о внешнем облике уездных городов Саратовской губернии, присутствие дворянства в них в первой половине XIX в. не отражалось на характере застройки. Краткая характеристика Сердобска, в котором дворян было больше, чем в любом другом уездном городе губернии, данная Беккером, не блещет яркостью красок. Он побывал в нем в 1842 г. и впоследствии писал: «Городок незавидный, построенный на равнине, при речке Сердобе, с двумя тысячами жителей, тремя церквями и скромными домиками, между которыми только один каменный, занимаемый ответственными местами»⁴⁴.

В то же время в Вольске уже в начале XIX в. были сооружены частные дома в стиле классицизма⁴⁵. Беккер писал о городской застройке Вольска: «Передо мною масса домов, в числе которых много огромных» и далее: «... фасады многих домов носят на себе печать оригинальности»⁴⁶. В этом городе в конце 30-х гг. XIX в. на одиннадцать с лишним тысяч душ населения было 36 дворян и 150 душ купцов⁴⁷. Здания оригинальной архитектуры (т. е. особняки в стиле классицизма),

как отмечали современники, были выстроены на деньги купцов. В такой форме в Вольске нашла воплощение ориентация купечества на культурные ценности дворянского сословия, которая была характерна для той эпохи⁴⁸.

Особенности народной культуры в Саратовском Поволжье накладывали неизгладимый отпечаток на культурный процесс в уездных городах. Речь идет о широком распространении старообрядчества. Эта особенность была присуща и культурной среде губернского города⁴⁹. Если верить замечаниям Леопольдова, именно горожане являлись в первой половине XIX в. его основными пропагандистами. Он пишет, что «промышленный народ» (т. е. занимающийся промыслами и торговлей) «расторопен, смел, нередко начитан книг и резок в разговорах по делам церкви». «Таковым речистым людям, – с досадой замечает он, – нетрудно смять и расстроить добродушного христианина, пришедшего из скромных селений»⁵⁰. Расторопный и начитанный горожанин у Леопольдова выступает в качестве «совратителя в раскол». Конечно, не все уездные города Саратовской губернии были источниками распространения старообрядчества. Однако в некоторых из них были даже культовые сооружения старообрядцев. Леопольдов называет «раскольничью часовню» в Хвалынске, которая по внешнему виду была «наподобие церкви, с алтарем»⁵¹. В Вольске было две «раскольничьи церкви» (и три – «грекороссийских»)⁵². «Раскольничья часовня» отмечена в Кузнецке⁵³.

В жизни трех уездных городов – Аткарска, Сердобска и Балашова – земледелие определяло и характер экономики, и жизненный уклад их населения. На основании описания Леопольдова, составленного в 1839 г., видим, что в Аткарске и в Сердобске «большая часть жителей занимается земледелием», за исключением служащих (т. е. чиновников и военных) и дворян⁵⁴. Земледелием занимались жители, числившиеся мещанами. В Балашове, в отличие от этих двух городов, было «10 разных заводов», но и здесь основным занятием населения являлось земледелие. О Сердобске у Леопольдова не было всех сведений, которые он обычно приводит обо всех уездных городах, поэтому у него ничего не сказано о количестве домов в нем и наличии каменных построек. В Балашове каменные здания не отмечены, в Аткарске, по данным Леопольдова, в 1839 г. тоже не было ни одного каменного дома⁵⁵. Благоустройство и внешний облик этих трех уездных городов в то время не соответствовали их городскому статусу. Интересно, что иностранный наблюдатель – военнопленный С. Б. Пешке – побывавший в Балашове в 1813 г., с большей симпатией писал о нем: «Небольшое, но основательно выстроенное местечко, расположенное в очаровательной местности». Аткарск, согласно его характеристике, имел «чисто деревенский облик», но и здесь отмечены «живописные окрестности»⁵⁶.

О преобразовании трех заволожских сельских поселений в города Беккер сообщает: «Новый Узень основан из деревни Чертановой, Николаевск из Мечетной, Царев из Царевки, жителей велено обратить в мещане, с оставлением некоторых из них в первобытном звании, но только с подчинением городскому управлению»⁵⁷. Эта подробность очень интересна – часть жителей вновь образованных городов оставалась в сословии крестьян.

В период с начала создания уездных городов губернии и до середины XIX в. для их культурного пространства было характерно преобладание народной культуры. Тем не менее их культурная среда носила черты своеобразия. В Царицыне, Камышине и Петровске отмечено существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей⁵⁸. В Вольске, Хвалынске и Кузнецке было распространено старообрядчество. Наличием торгово-экономических связей можно объяснить распространение старообрядчества из Вольска и Хвалынска в Камышин⁵⁹.

Соседство и общение с кочевниками-калмыками определенным образом повлияло на культурную среду Царицына. В этом городе в 30–40-е гг. XIX в. существовала миссия для распространения христианства среди калмыков⁶⁰. В некоторых городах существовали мусульманские общины. В статистическом описании указано, что в Хвалынске была мечеть⁶¹. Относительно Николаевска Беккер пишет, что его население «издавна» составляли мусульмане, отсюда и первоначальное название его – Мечетная слобода. В начале 40-х гг. XIX в. мусульмане Николаевска жили за городом отдельной слободой⁶². Этнический и конфессиональный состав населения уездных городов Саратовской губернии не был однородным. Проживание в определенном городе представителей других, кроме русской, этнических традиций придавало особые черты его культурной среде.

Носителями традиций народной культуры в городах Саратовской губернии были проживавшие в них крестьяне, мещане и купцы. И только в Вольске богатые купцы отчасти ориентировались на культурные предпочтения дворянства – здесь в первой половине XIX в. были построены представительные особняки в стиле классицизма. В губернском центре черты народной культуры ярко проявлялись в духовно-обрядовой сфере жизни основной массы населения.

Примечания

- ¹ Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 266.
- ² Там же.
- ³ Очерки русской культуры XIX века : в 6 т. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 7.

- ⁴ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия : социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 164–165.
- ⁵ Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 125–202 ; Кошман Л. В. Город в общественно-культурной жизни // Там же. С. 12–72.
- ⁶ Там же. С. 16.
- ⁷ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия...
- ⁸ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин, Н. В. Зорин, А. П. Каплуновский [и др.]. Ульяновск, 2000.
- ⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья : в 2 т. Т. 1. Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1997. С. 217–259.
- ¹⁰ Максимов Е. К., Мезин С. А. Культура XVIII века // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). 2-е изд., перераб. Саратов, 2011. С. 323–324.
- ¹¹ Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам : Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888.
- ¹² Лебедев А. А. Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 2, вып. 1 ; Он же. Рукописи Братства Святого Креста в Саратове. Саратов, 1910.
- ¹³ Листова Т. А. Предисловие // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков : Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 3.
- ¹⁴ Лыскова Н. П. Народная культура : генезис и традиции // Народы Саратовского Поволжья : Этнология, этнография, духовная и материальная культура : материалы региональной науч.-практ. конф. 20 дек. 2006 г. (Труды СОМК, вып. 10). Саратов, 2006. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 7–9.
- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 27–28.
- ¹⁸ Архангельская В. Памятник традиционной культуры народов Саратовского Поволжья // Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии : Собраны в 1861–1888 годах. Саратов, 1994. Репринтное воспроизведение издания 1890 года. [С. 7.].
- ¹⁹ [Леопольдов А. Ф.]. Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839. Часть вторая. С. 12–14.
- ²⁰ [Леопольдов А. Ф.]. О расколе в Саратовской епархии, по рукописи А. А. Леопольдова // Труды СУАК. Саратов, 1903. В. 23. С. 35–166.
- ²¹ [Понов К. И.]. Записки о Саратове К. И. Попова // Саратовский край : Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 155–236.
- ²² [Гераков Г. В.]. Путевые записки по многим российским губерниям. 1820. Статского советника Гавриила Геракова. Пд., 1828. ; [Беккер В. И.] Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852.

- ²³ См.: *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии). Саратов, 2012.
- ²⁴ *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 78.
- ²⁵ Очерки истории Саратовского Поволжья ... С. 154.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ [*Леопольдов А. Ф.*]. Статистическое описание Саратовской губернии ... С. 12–14.
- ²⁹ [*Попов К. И.*]. Указ. соч. С. 163.
- ³⁰ Там же. С. 170.
- ³¹ *Шенк К. Хр. Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородине в России 7 сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники ... С. 196.
- ³² [*Попов К. И.*]. Указ. соч. С. 179.
- ³³ *Минх А. Н.* Указ. соч. С. 107.
- ³⁴ Там же. С. 132–133.
- ³⁵ Там же. С. 23.
- ³⁶ См.: *Топографическое и историческое описание Саратовской губернии.* Волгоград, 2011. С. 19.
- ³⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 ... С. 154
- ³⁸ Там же. С. 152.
- ³⁹ *Мордовцев Д. Л.* Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отдел 3. С. 58.
- ⁴⁰ [*Леопольдов А. Ф.*]. Статистическое описание Саратовской губернии ... С. 60–109.
- ⁴¹ Там же. С. 85.
- ⁴² Там же. С. 104.
- ⁴³ См.: *Кириченко Е. И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII– начала XX века. М., 1997. С. 149.
- ⁴⁴ [*Беккер В. И.*]. Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁵ *Терехин С. О.* Века и камни : (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 18.
- ⁴⁶ Там же. С. 42, 44.
- ⁴⁷ [*Леопольдов А. Ф.*]. Указ соч. С. 79.
- ⁴⁸ *Кириченко Е. И.* Указ. соч. С. 149.
- ⁴⁹ [*Леопольдов А. Ф.*]. О расколе в Саратовской епархии ... С. 54.
- ⁵⁰ [*Леопольдов А. Ф.*]. О расколе в Саратовской епархии ... С. 46.
- ⁵¹ Там же. С. 89.
- ⁵² Там же. С. 79.
- ⁵³ [*Леопольдов А. Ф.*]. Статистическое описание ... С. 95.
- ⁵⁴ [*Леопольдов А. Ф.*]. Указ. соч. С. 101, 103.
- ⁵⁵ Там же. С. 100.
- ⁵⁶ *Пешке С. Б.* Мое пребывание в российском плену в 1812 году // *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники ... С. 149–150.
- ⁵⁷ [*Беккер В. И.*]. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁸ *Майорова А. С.* Общественно-культурная среда уездных городов Саратовской губернии : города-крепости в конце XVIII– первой половине XIX века. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 33.
- ⁵⁹ [*Леопольдов А. Ф.*]. О расколе в Саратовской епархии ... С. 37.
- ⁶⁰ Саратовская летопись // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 69.
- ⁶¹ Там же. С. 86.
- ⁶² [*Беккер В. И.*]. Указ. соч. С. 28.

УДК 502/504+631/635+9(G)1

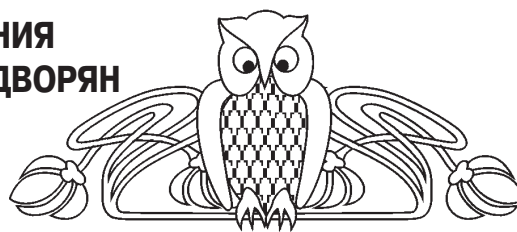
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ЕЛАТОМСКИХ ИМЕНИЯХ ТАМБОВСКИХ ДВОРЯН ДАВЫДОВЫХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Д. А. Шуваев

Первый Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru

Статья посвящена известному тамбовскому дворянскому роду Давыдовых. Автором исследованы мероприятия по рационализации производства в елатомских экономах дворян Давыдовых в конце XIX – начале XX столетия.

Ключевые слова: модернизация, аграрное общество, тамбовское дворянство.

Nature Management Rationalization in Elatomsky Estates of the Tambov Gentry Davydovs at the End of the XIX – the Beginning of the XX Century

D. A. Shuvaev

The paper is devoted to the famous of the Tambov noble family of Davydovs. The author is studied actions for rationalization of manufacture in Elatomsky estates of gentry Davydovs at the end of the XIX – the beginning of the XX century.

Key words: modernization, agrarian society, Tambov nobility.